

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НОВОМЕТОДНЫХ (ДЖАДИДСКИХ) РЕФОРМ В СЕЛЬСКИХ ТАТАРСКИХ МЕКТЕБЕ И МЕДРЕСЕ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Р.Р.Хайрутдинова, к.ф.н., доцент КФУ
Б.Ю.Хайрутдинов, аспирант ИЯЛИ АН РТ

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена выявлению социально-экономического своеобразия сельской образовательной системы у татар в начале XX века. Рецепция вышеназванного феномена осуществляется сквозь призму татарской дореволюционной периодической печати, что обеспечивает исследованию высокую степень научной достоверности. Исследование в данной статье разворачивается с опорой на историко-сравнительный метод, метод периодизации, метод критического анализа источника, ретроспективный метод, принцип пространственно-временной целостности изучаемого материала, метод целостности исторического и логического основания результатов исследования. В результате анализа обширного фактического материала выявляется корреляция между социально-экономическими процессами, которые проходили в татарском обществе в начале XX столетия, и спецификой национальной образовательной системы у татар в названный период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Образование у татар, реформа системы образования, исторический контекст образовательных процессов, джадидизм, татарская периодическая печать начала XX столетия.

ВВЕДЕНИЕ

Система образования татар до революции во всей полихромии своих аспектов является актуальным и перспективным объектом изучения специалистов целого ряда гуманитарных дисциплин. Однако внимание подавляющего числа исследователей обращено на городские медресе или медресе крупных населенных пунктов, в начале XX столетия считавшихся городами (к примеру, крупное село Каргалы Оренбургской губернии в татарской печати того периода именовалось не иначе как городом), где было сосредоточено практически все интеллектуальное богатство нации и где преподавали наиболее известные мударрисы – идеологи новометодных (джадидских) преобразований. К сожалению, вне поля их зрения остаются рядовые деревенские мектебе, которые составляли 95% процентов от общего числа «... татарских конфессиональных школ» (Рахимов, 1997, с. 74), а также преподаватели последних – те, усилиями которых татарская нация продвинулась столь далеко по стезе «... культурной модернизации, [...] экономического и социального развития» (Жоржон, 1997, с. 194-195), что заставила восторгаться собой практически всю интеллектуальную элиту Османской империи, искавшей «... способы модернизации государства и общества с целью преодоления внутренних и внешних трудностей» (Жоржон, 1997, с. 191); в Туркестане же татары, «... впитавшие в себя передовые достижения восточно-мусульманской и европейской культур» (Турдыев, 1997, с. 169) и вовсе играли роль культуртрегеров: «... поволжские мусульмане [...] выступали в роли просветителей своих туркестанских единоверцев» (Бартольд, 1963, с. 796). То, что нация, за которой «... не стояли ни государственность, ни даже автономия» (Хабутдинов, 2003, с. 4) за пару десятилетий смогла стать духовным лидером всего тюрко-исламского мира, заставляет вспомнить известные слова Бисмарка о том, что Германию создал простой гимназический учитель. Посему представляется важным восстановить максимально полную картину деятельности учителей татарских

мектебе и медресе, которая была прямо детерминирована социально-экономическим контекстом эпохи.

Архивные материалы способны дать далеко не полную и обедненную картину, лишенную живых, ярких, порой резких красок, без которых невозможны полноценные исследования в области социальной истории, поэтому полагаем вполне естественным обращение к такому перспективному источнику, как национальная периодическая печать начала XX века, которая за ничтожно короткое время сумела превратиться в «... важнейший идеологический и политический фактор жизни» (Боханов, 1984, с. 3) татарского общества соответствующего периода.

Само возникновение татарской периодической печати было детерминировано теми же факторами, что обусловили столь интенсивный характер джадидских реформ. Бурное развитие буржуазных отношений в татарском обществе как части имперского социально-экономического пространства зародило потребность в количественном и качественном росте образовательного уровня широких масс населения (прежде всего, сельского, – Россия вступила в XX столетие в качестве аграрной державы: основное население страны составляло крестьянство, производство сельскохозяйственной продукции превалировало над производством промышленных товаров, ведущей статьёй экспорта был вывоз продуктов земледелия и животноводства; территории империи, населенные татарами, не были исключением, более того, на них веками осуществлялась политика насильственной деурбанизации), служивших базой кадровых ресурсов для расширявшейся сети торговых и промышленных предприятий. Небывало высокий уровень грамотности, в свою очередь, «создал [...] целевую аудиторию» (Клюшина, 2008, с. 126), нуждавшуюся в получении значительных объемов самого разного рода информации, и прежде всего, информации оперативной. Существовало два способа ее передачи: звуковой (точнее сказать, устный, так как основная масса татарского крестьянства, которое нас и интересует, ничего не знала про изобретения господ Белла и Маркони, не говоря уже о том, чтобы ими пользоваться) и графический (печатный). Разумеется, проповеди деревенских мулл, рассказы купцов, паломников или вернувшихся домой солдат о том, чем живет мир за пределами деревни, не могли по своей полноте, достоверности и оперативности конкурировать с информацией, размещенной на страницах периодических печатных изданий, которые уже вскоре после своего возникновения стали пользоваться в татарских селах такой популярностью, какую невозможно себе представить даже в условиях Западной Европы. Показателен в этом отношении следующий эпизод: «Один достойный юноша выписал для караульной избы газету. Там долгими зимними вечерами собирался народ, чтобы послушать, как специально выбранный человек читает ее вслух» (Шәриф, 1913). Причина указанного явления достаточно необычна: отсутствие у татар многовекового (как в Западной Европе аналогичного периода) опыта функционирования профессиональной журналистики неожиданно сыграло более чем положительную роль, способствовав складыванию уникального лица татарской прессы, которое формировали не только и не столько издатель и редактор, но многочисленная читательская аудитория, добровольно взявшая на себя бремя журналистского служения, ибо значительную, а иногда и большую часть публикуемых материалов составляли статьи самодеятельных корреспондентов – вышеназванных мугаллимов, библиотекарей, священнослужителей и крестьян. Разумеется, в столь разнообразной публике бытовали порой диаметрально противоположные взгляды на характер джадидских преобразований, и татарская периодическая печать начала XX века являла собой арену для перманентных острых дискуссий (нужно ли сопоставлять жизнь новометодной школы и учительства в городе и деревне, если сравнение оказывается не в пользу последней, стоит ли прессе ориентироваться прежде всего на освещение проблем в реализации реформ, кто в этих проблемах виноват – мугаллимы, «невежественное» крестьянство, ортодоксы etc.). Именно в этих дебатах и выковывалось то, что ныне нам известно под названием

джадидизма: «Любая полемика в СМИ приобретает массовый характер – и в этом ее преимущество. Сначала возникают спорные идеи и выводы, но по мере того, как в обсуждение вовлекаются новые силы, как правило, формируются стройные концепции» (Ефимова, 2001, с. 143). Подобная открытость печати для народа стала причиной не только общепризнанного авторитета газет и журналов, легитимировавших отсутствие разрыва между интерпретацией реальности населением и самими изданиями в виде сознательной редакционной политики («Шура», «Вақыт», «Идел» и бесчисленное множество других изданий), но и предельной их объективности – на такой почве просто не могла прижиться практика существования «безголовых газет» («kopflose Zeitung», как в Германии эпохи Веймара именовали уже отпечатанные издания без заголовков, ложившиеся на стол своим владельцам) (Лукинова, 2009, с. 171), которая стала оборотной стороной профессионализации журналистского ремесла. В условиях же, когда «... печать начинается снизу» (Горький, 1962, с. 89], и газета воспринималась не как «... замкнутая цеховая организация» (Вишневский, 1960, с. 440], а как «... голос самого народа» (Горький, 1962, с. 89], татарская пресса могла с наибольшей эффективностью реализовывать «главную функцию периодических изданий» (Астахов, 2009, с. 46) – формирования и изменения общественного мнения (которую также именуют идеологической или ценностно-ориентационной (Царева, 2008, с. 291)), о чем следующим образом писал председатель Казанского временного комитета по делам печати М. Пинегин, высказывание которого наглядно демонстрирует не только ярко выраженную взаимосвязь между новометодными учебными заведениями и национальной периодической печатью, но и одновекторность их идеологической направленности: «Татарская масса не лишена, конечно, способности к восприятию новых идей. Она доходит до нее через те школы и едва ли не главным образом через татарские газеты и журналы, проникающие в самую гущу населения, 80 процентов которого по-своему грамотны» (Каримуллин, 1978, с. 31). Следует отметить, что успешная по всем меркам «... переориентация массового сознания» (Ефимова, 2001, с. 141) в сторону джадидских ценностей и символов осуществлялась в обстановке, когда «печать, [...] чаще всего получающая финансовую подпитку из промышленной среды, [...] оказалась предоставленной по большей части сама себе» (Клюшина, 2008, с. 125), что было обусловлено спецификой экономического положения татар: «Живя в составе России, в экономическом развитии и материальной жизни татарский народ в основных чертах разделял судьбу и других соседних с ним народов» (Абдуллин, 1976, с. 43). Российская же империя даже после промышленного бума 1890-х не только существенно отставала по уровню промышленного развития от ведущих капиталистических стран, но, как отмечал В. И. Гурко в 1909 г., «занимала последнее место среди других мировых держав» (Гурко, 1909, с. 1), поэтому закономерно, что относительно немногочисленные татарские промышленники (столь немногочисленные, что в самой татарской периодической печати запальчиво утверждалось: «Ныне у нас [...] промышленности нет» (Рәкиби, 1907)) и коммерсанты не могли спонсировать все 44 газеты и 35 журналов, которые выходили в свет на татарском языке до 1917 г. (Дәүләт, 1998, с. 144). Помимо газеты «Вақыт» и журнала «Шура», печатавшихся на средства братьев Ш. и З. Рамиевых, газет «Бәянедхак» и «Казан мөхбире», выпуск которых связан – что касается первой из них, целиком и полностью – с влиятельнейшим кланом Сайдашевых («Мало было проблем в татарском общественном движении, к разрешению которых не была бы причастна рука отца или сына Сайдашева» (Рәми, 2001, с. 212)), а также некоторых других изданий (следует особо подчеркнуть, в их число не могут быть включены такие, как, к примеру, «Әд-дин вә әл-әдәб» Г. Баруди, ибо последний, даже происходя из купеческой семьи, посвятил себя иной сфере деятельности и являлся рантье, не способным конкурировать в финансовом могуществе с индустриальными магнатами и воротилами торгового капитала. По этой же причине мы не упоминаем имена С. Алкина, Ю. Акчуры etc.), вся татарская пресса не имела иных источников финансирования, кроме денег, собранных с подписчиков; сфера

рекламы в татарской печати того периода еще только формировалась, и поэтому вряд ли может рассматриваться в качестве самостоятельного источника финансирования. Впрочем, в ситуации, когда читательский рынок сам себя формировал и обслуживал – ее мы описали выше – увеличивалась финансовая устойчивость изданий, которые, с одной стороны, освобождались от необходимости содержать раздутые редакционные штаты, с другой – «гибко реагировать на требования изменчивого читательского спроса» (Ефимова, 2001, с. 81), так как этот процесс происходил автоматически.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Настоящая статья базируется на источниковой базе, которую составляют такие татарские газеты и журналы, выходившие в дореволюционный период, как «Шура», «Мәктәп», «Әл-ислах», «Урал», «Казан мөхбире», «Идел», «Кояш». Опора на источники, современные описываемым явлениям, обуславливает историческую адекватность проводимого нами исследования. Анализ отобранных периодических изданий с целью раскрытия специфики социально-экономических детерминант образовательного процесса в татарском сельском обществе начала XX столетия предполагает градацию на несколько уровней: анализ общего образовательного и публицистического пространства как контекста нашего исследования; анализ конкретного издания национальной периодики; анализ конкретных статей, посвященных интересующей нас тематике. Исследование, представленное в данной статье, имеет ориентацию на такие методы и методологические принципы, как историко-сравнительный метод, метод периодизации, метод критического анализа источника, ретроспективный метод, принцип пространственно-временной целостности изучаемого материала, метод целостности исторического и логического основания результатов исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Применяемая в процессе исследования методология потребовала от нас в первую очередь выявить социальные корни преподавателей деревенских мектебе: декларированное нами стремление к представлению рассматриваемых феноменов в восприятии людей начала XX столетия, с точки зрения их «... представлений и ценностей» (Кром, 2006, с. 223), обязывает прийти к выводу, что место мугаллима деревенской новометодной школы было столь малопритягательным, что занимали его почти исключительно выходцы из самых бедных семей, – «Шура» пестрел характеристиками, содержанием своим идентичными нижеприведенной: «Они [сельские мугаллимы – Х. Б.] наши молодые люди, которые в детстве своем, воспитываясь в бедных семьях, с предельными страданиями получали знания в школах, посещая их босиком, в рваных штанах и почерневших рубахах» (әл-Сәгыйди, 1912, с. 376). Обусловлено вышеописанное положение дел было стремительной имущественной маргинализацией прослойки сельских мугаллимов, что можно оценить как обратную сторону джадидистских преобразований, в которых была заложена тенденция к «мягкой» секуляризации образовательной системы татар, одной из форм которой явилась постепенная дифференциация духовенства и учительства – окончательное отделение мектебе от медресе и передача первых в руки профессиональных преподавателей с назначением им ежемесячного жалования (Дәүләт, 1998, с. 53) имели совершенно неожиданные последствия: священнослужители, выполнявшие одновременно обязанности муллы и мударриса, продолжали получать от населения традиционные пожертвования и о слове «нищета» вспоминали только тогда, когда его нужно было употребить во время проповеди, в то время как мугаллимы, как справедливо указывал Абдуллин, «... могли рассчитывать на очень небольшое содержание» (Абдуллин, 1976, с. 205). Столь небольшое, что в одной из статей прямо говорилось: «Сей двадцатый век – это такая эпоха, когда большая часть тех, кто находится на жаловании, из-за малых его размеров устраивает забастовки и бросает свою работу. В такие времена [...] следует не винить в

чем-то деревенских мугаллимов, а благодарить их за службу» (Шаһиэхмәдов, 1913, с. 149). Концентрация татарского сельского учительства на имущественном дне вела к вполне предсказуемым результатам: «... регулярное недоедание» (әл-Кадыйри, 1912, с. 312), на которое не раз обращалось внимание в журнале, подрывало молодой неокрепший организм мугаллима – вчерашнего выпускника медресе, - и национальной периодической печати приходилось лишь констатировать: «Несчастный смолоду сохнет [...]. Лишается и здоровья, необходимого для [физической] работы. По этой причине он, потеряв само человеческое достоинство, остается ни работником, ни разбойником» (әл-Кадыйри, 1912, с. 313). Немудрено, что неизменным спутником преподавателей деревенских новометодных школ становился туберкулез, от которого представители интеллектуальной элиты нации – а в прессе сельские мугаллимы позиционировались именно так: «... лишь в мугаллимах надежда нации на будущее» (әл-Кадыйри, 1912, с. 313) – умирали столь же массово, как и представители социальных низов: «В конечном итоге они, не изведав даже, что такое белый свет, вкусная еда и хорошая жизнь, потихоньку покидают сей мир (по большей части из-за чахотки)» (әл-Кадыйри, 1912, с. 313). Данное заболевание, как следует из публикаций в журнале «Шура», приводило к изгнанию мугаллима с занимаемой им должности, что, собственно, понятно; однако такой преподаватель со всем своим семейством обрекался, как будет сказано ниже, на голодную смерть. «Шура» напечатал своего рода «открытое письмо» одного из этих несчастных, в котором говорилось: «Я до этого безнадежного года 5 лет был мугаллимом, а в сей ужасный год, заболев туберкулезом, вынужден был остаться без места [...], имея же небольшую семью на своем содержании, мне для ее обеспечения и собственного выживания пришлось распродавать книги, собранные мной некогда по крупице. Расставаясь с каждой книгой, словно с душой, мы с семьей не могли сдерживать слез» (Хәснәтдинов, 1915, с. 30). Примечательно, что в описании жертв, принесенных им на алтарь просвещения народа, мугаллим этот обращается к фольклорным традициям: «Я, несчастный, за 5 лет своего учительства пожертвовал своим лицом, подобным спелому яблоку, своей грудью, подобной мосту, своей молодой жизнью, подобной цветущему саду» (Хәснәтдинов, 1915, с. 31). Интересно, что даже действующие мугаллимы писали о себе в схожих тонах: «... самые несчастные из мугаллимов – деревенские мугаллимы» (әл-Кадыйри, 1912, с. 376), «... бедный мугаллим» (Шаһиэхмәдов, 1913, с. 312), «печальное состояние сельского мугаллима» (әл-Сәгыйди, 1912, с. 276) и пр. Можно предположить, что подобные автохарактеристики были не только, с позволения сказать, «криком души», но и формой аргументационных стратегий, призванных удовлетворить филантропические ожидания лиц, чье материальное благополучие во многом зависело от щедрости баев – состоятельных предпринимателей и промышленников, – тративших значительные средства на поддержку образования. Закономерно, что получатели благотворительной помощи были заинтересованы в том, чтобы через прессу закрепить в общественном сознании подобную роль представителей крупного торгового и промышленного капитала, и воздействовать на них уже через рычаг высокой мотивации на социальное одобрение, которая была свойственна для татарских купцов и фабрикантов, надеясь, что они по-прежнему будут брать на себя осуществление практически всех функций Министерства Народного Просвещения, чей бюджет, к слову, в 1914 г. составил 161, 2 миллиона рублей (Бразоль, 1968, с. 10), и которое в деле просвещения русского народа добилося гораздо меньшего, чем союз татарской буржуазии и татарского сельского учительства в деле просвещения татарской нации.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты говорят о том, что татарская периодическая печать начала XX столетия является одним из самых перспективных источников изучения социально-экономических основ эволюции образовательно-педагогического процесса как в общих, так и локальных ее проявлениях. Наше исследование продемонстрировало

однаправленность джадидских преобразований в сфере образования и в области общественной жизни, обновление которой у татар привело к возникновению национальной периодики, коррелировавшей с новометодными реформами в стенах мектебе и медресе. Однако был выявлен и тот факт, что джадидские реформы, как это всегда бывает, имели не только однозначное положительное, но и определенное негативное влияние на сферу просвещения, стимулируя экономическую маргинализацию мугаллимов-новометодистов, понижение имущественного статуса которых не могло не вести к кризису их социального статуса, что не могло не иметь отрицательного влияния на систему национального образования. Таким образом, наше исследование является ценным вкладом в понимание закономерностей взаимосвязи между общественными процессами и образованием, внося значительную лепту в историю просвещения у тюркских народов.

Литература

- Абдуллин, Я.Г. (1976). Татарская просветительская мысль. Казань: Татар. кн. изд-во.
- Әл-Кадыйри, Н. (1912). Мөгаллимнәр хәләнән. Шура, 10.
- Әл-Сагийди, Ш. (1912). Карья мөгаллимнәре. Шура, 12.
- Астахов, А.В. (2009). Материалы периодической печати Западной Сибири конца XIX – начала XX веков как источник по истории судебных учреждений округа Омской судебной палаты. Омский научный вестник, 6, 46–50.
- Бартольд, В.В. (1963). Кавказ, Туркестан, Волга. Москва: Изд-во восточной литературы.
- Боханов, А.Н. (1984). Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. Москва: Наука.
- Бразоль, Б.Л. (1968). Царствование императора Николая II в 1864–1917 гг. в цифрах и фактах. Нью-Йорк.
- Дәуләт, Н. (1998). Русия төркиләренә милли көрәш тарихы (1905–1917). Казан: Милли китап.
- Горький, А.М. (1962). О печати. Москва: Госполитиздат.
- Гурко, В.И. (1909). Наше государственное и народное хозяйство. СПб.
- Каримуллин, А.Г. (1978). Татарская книга начала XX века. Москва.
- Хабутдинов, А.Ю. (2003). Лидеры нации. Казань: Татар. кн. изд-во.
- Хәснетдинов, К. (1915). Мөгаллим хәле. Шура, 1.
- Клюшина, Е.В. (2008). Особенности французской периодической печати конца XIX – начала XX века. Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 61, 124–130.
- Кром, М.М. (2006). Арон Яковлевич Гуревич и антропологический поворот в исторической науке. Новое литературное обозрение, 81, 221–228.
- Лукинова, Е.М. (2009). Формирование образа человека в периодической печати и литературе Германии Веймарского периода. Вестник ВГУ, 2, 170–175.
- Рахимов, С. (1997). Социально-правовой статус татарских учебных заведений последней четверти XVIII – нач. XX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань.

Рәкиби, Р. (1907). Мәкаләи махсусә. Казан мөкхбире.

Рәми, И.Г. (2001). Әдәби сүзлек. Казан: Татар. кит. нәшр.

Шаһиәхмәдов, Ю. (1913). Мөгаллимнәр хәленнән. Шура, 5.

Шәрифи (1913). Казан тирәсендәге авыллар. Коллар. (Чар өязе). Идел, 579.

Царева, Е.В. (2008). Значение периодической педагогической печати в развитии системы педагогического образования в России на рубеже XIX и XX вв. Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 74, 290–294.

Турдыев, Ш. (1997). Среднеазиатские татары: роль и значение в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань.

Вишневский, В.В. (1960). Собрание сочинений. Москва: Гослитиздат.

Ефимова, Н.А. (2001). Периодическая печать Республики Марий Эл в условиях трансформации общества (1985–2000 гг.). Казань.

Жоржон, Ф. (1997). Тюркские интеллигенты России в Османской империи и их влияние в эпоху младотурков. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань.